

Иван Погонин  
НЕУДАЧА КУНЦЕВИЧА



**Иван Погонин**  
**Неудача Кунцевича**  
Серия «Сыскная одиссея  
Осипа Тараканова»

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69748078](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69748078)*

*Неудача Кунцевича:*

**Аннотация**

«На бенефисе кордебалета невольно обращало на себя внимание обилие «Шерлоков-Холмсов», размещившихся в различных ярусах. В партере можно было заметить начальника сыскальной полиции В.Г. Филиппова, его помощника Маршалка и короля российских пинкертонов М.Н. Кунцевича...»

# Содержание

Неудача Кунцевича	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	23
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

# Иван Погонин

## Неудача Кунцевича

### Неудача Кунцевича

#### Глава 1

#### Король пинкертонов

«На бенефисе кордебалета невольно обращало на себя внимание обилие «Шерлоков-Холмсов», разместившихся в различных ярусах. В партере можно было заметить начальника сысской полиции В.Г. Филиппова, его помощника Маршалка и короля российских пинкертонов М.Н. Кунцевича. Ошибочно было бы думать, что столичные Лекоки явились в театр в качестве балетоманов. Причиной их невольного преклонения перед жрицами Терпсихоры явился полученный начальником сысской полиции аноним, извещавший, что пробравшиеся в Петербург варшавские гастролеры-взломщики *in cogrore*<sup>1</sup> намерены присутствовать на бенефисе кордебалета. Тщетно обозревали Наты Пинкертоны в бинокли публику, среди нее представителей «фомки» и до-

---

<sup>1</sup> В полном составе (лат.)

лота не оказалось. Очевидно, «гастролеры» учуяли засаду и решили отказаться от удовольствия, сопряженного с риском попасть в места, не столь отдаленные».

Татьяна отложила газету. На лице ее играла ироничная улыбка.

– Коли ты король, Мешко, стало быть, я – королева. И поэтому требую впредь меня иначе, как «Ваше величество», не титуловать!

Мечислав Николаевич поднялся из-за стола и склонился в глубоком поклоне:

– Слушаюсь, моя королева!

Потом встал на одно колено и стал целовать женину ручку. Сначала тыльную сторону ладони, потом саму ладошку, потом запястье, потом выше, выше, потом стал развязывать пояс халатика....

В гостиную постучала и тут же вошла горничная.

– К вам мусье Обюссон, барин!

Было воскресенье, десятый час утра в начале, словом, время для визитов совсем не подходящее. К тому же у Кунцевича был первый за несколько месяцев неприсутственный день. Поэтому общаться с господином Обюссоном по служебным делам (а по каким еще делам тот мог припереться в эдакую рань!) совершенно не хотелось. Это с одной стороны. А с другой – Обюссон держал фруктовую лавку на первом этаже его дома, всегда поставлял Мечиславу Николаевичу самый хороший товар, да к тому же со значительной уступкой.

Обижать такого человека не следовало, поэтому надворный советник вздохнул и сказал горничной: «Проси». Таня встала и быстрым шагом направилась в спальню.

Француз явился не один. Вместе с ним в гостиную вошли кражистый невысокий мужчина с длинной черной бородой, одетый в длиннополый сюртук и сапоги, и управляющий домом – господин Знаменский.

– Прошу прощения за столь ранний визит, – француз склонил голову, – но обстоятельства, его вызвавшие, чрезвычайные! Сегодня ночью были ограблены мой магазин и магазин месье Смурова, – Обюссон указал на бородача. – И как дерзко ограблены! Мало того, что воры украли деньги и товар, так они еще и поужинали у нас с шампанским!

– Три ковра мне угваздали, три на куски разодрали, – сказал Смуров. – И ведь как специально, самые дорогие выбрали, чтоб им пусто было! Дюжину пустых бутылок я насчитал! До блевотины обожрались!.. Кхм. Простите.

– Полицию вызвали? – поинтересовался Кунцевич.

– Вызвали, конечно, уж и пристав прибыл, и ваши сыскные, – ответил Обюссон. – Только... Мечислав Николаевич, нам бы хотелось, чтобы вы лично приняли в этом деле участие. Вы-то уж непременно отыщете! Ну а за нами не постоит!

Надворный советник купца переубеждать не стал, а обратился к управляющему:

– Андрей Платонович, а вы разве ничего не слышали? Или

вас нынешней ночью дома не было?

Кунцевич задал такой вопрос, потому что квартира Знаменского помещалась на одной лестнице с обворованными магазинами.

– Да дома я был, где ж мне еще быть. И шум слышал-с. Часа в четыре. Но я подумал, что это магазин убирают. Они часто ночью убирать изволят. Жильцы неоднократно жаловались.

– А когда мне убираться прикажете? Днем у меня торговля, – возразил Смуров.

– Так вечером убирайтесь, вечером!

– А много ли унесли? – прервал дискуссию надворный советник.

– Мы еще не считали, но тысяч на двадцать, не меньше, – ответил Обюссон.

– Неужели так много?

– Так товар у нас дорогой, ваше высокоблагородие, – сказал Смуров. – Да и наличность в магазинах была.

Когда Кунцевич пришел во фруктовую лавку, там уже были Маршалк, с утра заступивший на дежурство, дежурный сысканой надзиратель Кислов и агент из Адмиралтейской части<sup>2</sup>.

– Не отдыхается, ваше величество? – заулыбался Мар-

---

<sup>2</sup> Часть надзирателей и агентов сысканой полиции несла службу в «центральном офисе», на Офицерской, а часть была распределена по участкам.

шалк, увидев чиновника для поручений.

– Да ну тебя, Карл, надоело уже, право! Я же в этом доме живу, вот и заглянул по-соседски.

Картина вырисовывалась следующая: вчера преступники зашли в магазин Смурова, спрятались среди ковров, дождалась ночи, коловоротом просверлили дыру в потолке, спустились на разрезанных коврах в магазин Обюссона, взломали несгораемый шкаф и забрали оттуда деньги. Прихватив две дюжины шампанского, ящик апельсинов, сыра, колбас и ананасов, они подняли все это к Смурову, где принялись кутить, используя ковры в качестве дастархана. Потом открыли дверь черного хода и растворились в предрассветном тумане.

– А не те ли это варшавские гастролеры, которых мы третьего дня караулили? – предположил Карл Петрович.

– Не думаю, – сказал Кунцевич, – поляки шампанским обжираться не стали бы. Да и инструмент не привисленской выделки. – Надворный советник повертел в руках коловорот. – Наши это, доморощенные.

На месте происшествия он пробыл недолго, задал несколько вопросов хозяевам и приказчикам, позвал Кислова и вышел с ним через черный ход во двор.

После непродолжительной беседы агент вышел на Большую Морскую и кликнул извозчика, а его начальник отправился домой.

## Глава 2

# Король медицины

– Как вы узнали, что это Ремешковских рук дело? – спрашивал на следующий день Филиппов.

– Один из приказчиков Смурова вспомнил, что накануне кражи в магазине вертелись трое господ, на покупателей ковров нисколько непохожих, и описал их приметы. А у Александра Гаврилова Ремишко, по прозванию Сашка-Ремешок, внешность весьма примечательная. Как только я узнал, что к Смурову заходил обладатель огненно-рыжего чуба, я сразу Кислова к Аньке Михайловой послал – Ремешок у нее уже полгода постоем стоит. Ребята в квартиру зашли – а там стол от шампанского и фруктов ломится. В шкафу деньги и ценные бумаги нашли, на чердаке – Ваньку Михайлова, Анькиного брата и Чугая поймали. Они, подлецы, пока наши дверь ломали, по карнизу туда пробрались. Обыскали, тысячу смуровскими процентными бумагами нашли. Ремешку, правда, соскочить удалось, но это ненадолго, денька через два-три, думаю, поймаем.

– Да, недаром вас газетчики королем сыска называют.

– Владимир Гаврилович, – взмолился Кунцевич, – ну хоть вы-то не подначивайте! Вот, кстати, – надворный советник показал на закрытую рогожей корзину, которую, зайдя в кабинет, поставил на один из стульев для посетителей, – Обюс-

сон вам образцы своего товара просил передать.

– Мне-то за что?

– Как за что? За чуткое руководство! Кислова тоже неплохо было бы к награде представить.

– Кислова? Да я этого лекока недоделанного, пожалуй, с места погоню!

– За что, ваше высокородие? – изумился чиновник для поручений.

– А за то, что не умеет труп умершего от апоплексического удара от трупа с двумя дырками от пуль отличить!

– Это как же его угораздило?

– Вчера вечером прибыли они с дураком-околоточным на Спасскую, там квартирохозяин труп жильца обнаружил. Заводит их хозяин в гостиную и видят они: сидит на диване мертвый мужчина, а рядом какой-то субчик крутится. Квартирохозяин говорит – знакомьтесь, это мой приятель доктор Уланцев, а это – на труп указывает – мой жилец, смоленский помещик господин Любовский. Наш Лекок спрашивает у врача, какова, мол, причина смерти, а тот, ничтоже сумняшеся, отвечает: «Удар-с, милостивый государь, апоплексия». Пинкертоны этому светиле медицины безоговорочно поверили, околоточный левой задней протокол написал в три строчки, и хотели они уходить. Хорошо квартирохозяин, Осин его фамилия, он адвокат, и довольно известный, настоял, чтобы труп в прозекторскую отправили. Околоточный городовым соответствующий приказ отдал, и они с Кис-

ловым по своим делам удалились. А сегодня в восемь утра врач Литейной части мне телефонирует и сообщает, что собрался господина Любовского препарировать, сюртучок растегнул и сразу же на сорочке кровь и дырку от пули увидел. Два огнестрельных слепых ранения в области жизненно важных органов, плюс одна пуля в жилетном кармане обнаружилась, а еще одну Лекок Кислов при повторном осмотре места происшествия в стене нашел. Я уже успел по шапке от градоначальника получить, да и следователь недоволен – Осин со своим приятелем-королем российской медицины такую тризну по покойному в гостиной устроили, что все следы преступления напрочь уничтожили. Если они были, конечно. Так что езжайте, Мечислав Николаевич, на Спаскую, осуществляйте чуткое руководство.

В это время дверь в кабинет распахнулась, и туда ворвался светящийся от радости Кислов.

– Раскрыли, ваше высокородие! – закричал он с порога.

## Глава 3

### Студент убил соперника. Или нет?

Присяжный поверенный Осин выглядел неважно. Принимал он Кунцевича не в гостиной, которую заполнили судебские и полицейские чины, а у себя в кабинете, и, разговаривая, поминутно прикладывался к бокалу с каким-то густым темным напитком.

– Да, никогда не думал, что это так тяжело – по сто раз отвечать на одни и те же вопросы, хотя сам этим приемом постоянно пользуюсь, чтобы лжесвидетелей в суде на чистую воду вывести, но на собственной шкуре эту методику доселе испытывать не приходилось. Но вы спрашивайте, спрашивайте, конечно, я же понимаю, что это для дела нужно.

– Благодарю вас. Итак, как давно стоял покойный в вашей квартире?

– Второй месяц пошел. Условие мы с ним пятого минувшего декабря заключили, а пятого сего января он попросил продлить его еще на месяц. Но третьего дня вдруг сказал, что съедет семнадцатого.

– То есть он завтра уезжать собирался?

– Получается, да.

– А зачем он вообще в столицу пожаловал? И почему не в гостинице остановился?

– Рассказывал, что приехал управляющего в имение на-

нимать. У него имение в Смоленской губернии. Жаловался, что дела его совершенно расстроились, сам из-за неопытности не справляется, вот нужда и заставила искать профессионалиста.

– Коли уезжать собрался, то выходит, что нашел?

– Да, несколько дней назад Дмитрий Иванович похвастался, что нашел хорошего агронома и обо всем с ним договорился. А в гостиницу он не пошел из экономии – я за комнату только двадцать рублей беру. За такие деньги ничего приличного даже в мебелирашках не найдешь.

– А как Дмитрий Иванович время проводил? Наверное, дома все сидел, раз не располагал средствами?

– Первое время да, но после Богоявления<sup>3</sup> стал покучивать, сады посещать, рестораны. Я в Крестовском саду его несколько раз видел. Он там с Ольгой Александровной, вероятно, и познакомился.

– Получается, после шестого деньги у него появились?

– Да, сказал, что удачно поиграл на бирже.

– Афанасьева тоже часто посещает Крестовский сад?

– Можно сказать, – ответил Осин, заулыбавшись, – что она там служит.

Кунцевич кивнул понимающе. То обстоятельство, что отец Ольги Александровны титуловался «превосходительством», его нимало не смутило – видел он среди «этих дам»

---

<sup>3</sup> 6 января 1912 года.

птиц и более высокого полета. К тому же демимонденки<sup>4</sup> Крестовского сада ловко притворялись порядочными женщинами, у Афанасьевой, к примеру, был вполне официальный жених.

– Как часто она его посещала?

Присяжный поднял глаза к потолку, припоминая:

– Два или три раза была. Сначала непременно протелефонирует, и коли Дмитрий Иванович пригласит, тут же приезжала.

– А жениха Афанасьевой, студента Цыпкина, вы знали?

– А как же, знаком.

– И где познакомились?

– Так он Дмитрию Ивановичу визит наносил.

– А он-то что у него делал? – изумился надворный советник.

– Ольгу Александровну сопровождал. Она Любовского при женихе дядюшкой называла.

– Да-с... – покачал головой сыщик. – Ну а теперь про вчерашний день расскажите.

– Вчера я ушел из дому в начале двенадцатого, был приглашен на завтрак. Прислуга вслед за мной ушла, ей надобно было тетку в больнице навестить, я разрешил. Дмитрий Иванович, стало быть, дома один оставался.

– Он точно дома был?

– Точно, в гостиной сидел, по нашему условию он имел

---

<sup>4</sup> Дамы полусвета (*от фр. demi-monde*).

право пользоваться не только комнатой, но и гостиной. Мы с ним попрощались.

– Вернулись во сколько?

– В восьмом часу вечера, в начале, вместе с Порфирием Платонычем. Сели обедать, выпили. Точнее, продолжили возлияния. К тому времени мы с Уланцевым уже изрядно поднабрались. Потом Ольга Александровна протелефонировала.

– Во сколько это было?

– Часов в восемь. Попросила позвать Дмитрия Ивановича. Я Анисью к нему послал, та тотчас вернулась и сказала, что жильца дома нет. Через полчаса примерно опять телефон затрезвонил. На сей раз мужской голос Любовского спрашивал. Теперь уж я сам за ним пошел. Постучал, дверь в комнату подергал – заперто, хотел уж и этот вызов отменить, да гляжу – пальто Дмитрия Ивановича на вешалке в передней висит. А раз пальто дома, то и хозяин, стало быть, тоже. В гостиной, думаю, он, не иначе. Заглянул, а жилец мой на диване сидит, голову свесил. Спит, как мне показалось. Я подошел, за рукав подергал, Дмитрий Иванович, говорю, вас вызывают, извольте ответить. А он – бах и повалился. И рука у него уж больно холодная. Я за доктором, прислуге велел лампу зажечь. Порфирий Платонович пульс у жильца пощупал, веко задрал и выдал заключение, что мертв мой жилец, не иначе как удар у него случился. Я в участок и позвонил.

– А почему вы настояли на отправке трупа в прозектор-

скую?

– Да просто не хотел с покойником в одной квартире ночевать, я их, признаться честно, побаиваюсь.

– А браунинг на столе когда заметили?

– Это уж ваши. А револьвер<sup>5</sup> этот – Любовского, он мне его как-то показывал.

– Ты вообще зачем сюда поперся? – спросил Кунцевич подчиненного, когда они вышли на парадную лестницу.

– А вот черт меня дернул. Ехали мы от Ремешковской ма-  
рухи с околоточным на одном извозчике, тут городской бе-  
жит навстречу и докладывает об обнаруженном мертвом те-  
ле. Извозчика-то Рогозин, околоточный здешний, подрядил,  
ваньки местные его из-за уважения бесплатно возят, а мне  
бы, если б я на Офицерскую на нем поехал, двугривенный  
пришлось бы выложить. Пожалел я денег, да и пошел вместе  
с Рогозиным – за компанию.

– Вместо того чтобы побыстрее в управление вернуться,  
ты решил в богатую квартиру сходить, хотел полтинничек  
на водку заработать за оформление покойника? Правильно  
Владимир Гаврилович говорит, гнать тебя надо!

– Так я же раскрыл убийство то, ваше высокоблагородие!

– Раскрыл? А с чего ты взял, что оно раскрыто? Что, сту-  
дент сознался?

---

<sup>5</sup> В те годы пистолеты даже специально обученные люди повсеместно называли револьверами.

– Не сознался, но...

– Что «но»? Ты выяснил, когда Любовского убили? Где студент с Афанасьевой в это время находились? А может, у них инобытие?<sup>6</sup>

Кислов захлопал глазами.

– Горничная в квартиру в два пополудни вернулась, а ушли они с хозяином в одиннадцать, стало быть, в эти три часа и убили.

– Ну и где с одиннадцати до часу были Цыпкин с Афанасьевой?

– Они говорят, что у нее, на Мало-Царскосельском, только врут они, ваше высокоблагородие, дворники студента днем во дворе видали.

– А ты его дворникам предъявлял?

– Да не успел, я как их заарестовал, сразу на Офицерскую помчался.

– Начальству похвастаться?

– Уж больно злы-с были Владимир Гаврилович...

– Я так понимаю, с соседями ты тоже поговорить не успел?

– Так когда? Я как только про студента узнал – сразу к нему на Загородный, арестовал, отвез в участок – и к Афанасьевой. На одних извозчиках разорился... Да и не спамши...

– А ты впредь службу неси как положено – и выпишься, и при деньгах будешь. В общем, так. Здесь мы сами справимся, а ты дуй на квартиру Афанасьевой, расспроси там всех, кого

---

<sup>6</sup> Инобытие – алиби.

можно, узнай, во сколько вчера к ней студент явился, когда ушел, как она сама день провела. Потом к Цыпкину домой, и про то, как студент вчерашний день провел, разузнай все хорошенько.

Совещание проходило в кабинете Филиппова. Хозяин восседал за своим письменным столом, Маршалк расположился по левую руку, начальник летучего отряда Петровский сидел у стены. Справа от руководителя сыска разместились судебный следователь пятого участка Гудилович и участковый товарищ прокурора Плетнев. Кунцевич докладывал стоя. Была глубокая ночь.

– Осин и его прислуга вышли из дома в начале двенадцатого утра, Любовский в это время был жив и здоров. Горничная вернулась в половине третьего. Ни в гостиную, ни в комнату гостя она не заходила. Но и в квартиру до семи вечера тоже никто не заходил. Поэтому или убила горничная, или убили до ее прихода – то есть с одиннадцати до половины третьего. Цыпкин явился к Афанасьевой в час дня и пробыл у своей невесты до трех. Около девяти вечера она ему позвонила и сообщила о смерти Любовского, о чем ей, в свою очередь, протелефонировал Осин. Цыпкин заехал за Афанасьевой на извозчике, и они отправились на Спасскую, где с Ольгой Александровной приключилась истерика. Мы проверили показания студента. Он живет на Загородном, в 23-м номере. С утра принимал учеников – первый явился к

десяти, второй – в одиннадцать, третий – в двенадцать. Этот ушел в половине первого – у гимназиста разболелась голова, и они прервали урок. Афанасьева живет на углу Верейской и Мало-Царскосельского и весь день провела дома.

– И что же, вы это наверное знаете? – спросил прокурорский.

– Наверное, господин надворный советник. Афанасьева занимает проходную комнату, вход в которую возможен только через гостиную. А семья ее квартирной хозяйки с десяти утра уселась там завтракать, а потом они всем семейством принялись играть в лото, забава у них такая воскресная. Мимо них Ольга Александровна никак прошмыгнуть не могла. После того как к Афанасьевой пришел Цыпкин, молодые люди были приглашены к столу и играли в лото до трех часов. В три семья обычно обедает, и Цыпкин, как человек благородный, отказавшись от обеда, удалился. Да и повода убивать Любовского ни у него, ни у Афанасьевой не было.

– Как не было? – воскликнул товарищ прокурора, – а ревность, по-вашему, не повод?

– Ну, разумеется, повод, да еще какой. Вот только Цыпкин невесту к покойнику не ревновал, он считал Любовского родным дядей своей ненаглядной. Он, кстати, и до сих пор так считает.

– И что же, прикажете их отпустить? – спросил Гудилович.

– Разве я могу вам приказывать, Казимир Владиславович!

Я просто считаю, что дальше держать их при части нет никаких оснований, – ответил Кунцевич.

– Да-с... Какое же неприятное дело! – следователь вздохнул. – Началось все с простого апоплексического удара, обернулось убийством, которое мы в течении нескольких часов открыли, а потом оказалось, что и не открыли вовсе... Что же мне, постановление об освобождении писать?

– А это как вам будет угодно. Разрешите, я продолжу? Как нам всем, господа, известно, в покойного выпустили по крайней мере четыре пули. Любовский умер от сильного внутреннего кровоизлияния, явившегося следствием двух револьверных ран. Пули были настолько малы, что входные отверстия быстро зарубцевались. Одна пуля пробила печень и застряла у позвоночника, вторую нашли в кишках покойного. Смерть не была мгновенной, Потерпевший, получив раны, прошел еще несколько шагов и опустился на диван. Производивший вскрытие профессор Косоротов<sup>7</sup> сделал вывод, что убийца стрелял почти в упор – не более чем с двух шагов. Об этом свидетельствует отсутствие крови на платье убитого, окровавлено было только белье<sup>8</sup>. Но даже с такого близкого расстояния убийца умудрился промахнуться – третья пуля попала в дверной косяк. Это говорит либо о неопытности стрелка, либо о том, что стрелок был в крайне воз-

---

<sup>7</sup> Известный дореволюционный судебно-медицинский эксперт.

<sup>8</sup> В ту пору белье называли все, что носилось под брюками и костюмом, в том числе и рубашку.

бужденном состоянии. Еще одна пуля тоже не достигла цели – угодила в пряжку на подтяжке, именно эту пулю частный врач потом нашел в жилетном кармане, но это уж не от неопытности стрелка, это стечение обстоятельств. Стреляли из револьвера небольшого калибра, а маленькие револьверы предпочитают дамы. Так, может быть, господа, дама и стреляла?

– Дама? – Филиппов побарабанил пальцами. – Очевидно, что убийца знакомый Любовскому человек – покойный сам впустил его в квартиру и пригласил в гостиную. Вот только зачем он приготовил к встрече браунинг? Дам обычно с револьверами не встречают!

– Бог его знает, ваше высочорodie. Против моей версии о том, что убийца дама, свидетельствуют и показания одной из соседок Любовского. Она проживает на четвертом этаже. В 12 часов на лестнице соседка встретила с каким-то неизвестным ей рыжебородым господином, выходящим из квартиры Осина.

– Голубчик! Что же вы раньше-то молчали! – следователь аж вскочил со стула. – Что это за господин, узнали, нет?

– Пока не узнал. Но есть за что зацепиться. Свидетельница заметила одну интересную деталь в обличье выходявшего – его галстук был заколот булавкой с головкой из жемчужины, окруженной золотой змейкой с зелеными глазами.

– Мало ли в столице таких булавок! – покачал головой Плетнев.

– Я думаю, не так уж и много. Но дело не в их количестве. Дело в том, что я съездил в Крестовский сад, который любил посещать покойный, и выяснил, что в этом саду Любовский встречался с неким рыжебородым господином, обладающим такой булавкой. Более того, этот господин тамошний завсегда, официанты и метрдотель его прекрасно помнят.

– Так надобно засаду устроить! – закричал следователь.

– Надзиратель Кислов с восьми вечера там сидит.

Попрощавшись с представителями судебной власти и прокурорского надзора, Филиппов достал ящик с сигарами и предложил подчиненным. Все, кроме Кунцевича, не заставили себя ждать. Кабинет тут же наполнился ароматным дымом.

– Вы вот что, Мечислав Николаевич, – стряхивая пепел, сказал Филиппов. – Кислова на кого-нибудь другого поменяйте.

– Пусть вино искупает, ваше высочорodie.

– Да мне его не жалко. Просто он вторую ночь без сна, упустить злодея может.

## Глава 4

# Агроном

Глаза у Кислова были красными, как у кролика. Его слегка покачивало, и Кунцевич боялся, что подчиненный свалится со стула. Но несмотря на усталость, с лица сыскного надзирателя не сходила довольная улыбка.

– В четвертом часу они прикатили, я уж уходить собирался.

На самом деле в это время Кислов прилег вздремнуть в свободном кабинете, строго-настрого приказав метрдотелю немедленно его разбудить, если в ресторан явится рыжебородый хозяин приметной булавки.

– Трое их было, уже веселые-веселые. Городовые мои на кухне прятались, я их кликнул и заарестовал злодеев. Они, конечно, возмущаться стали, кричать. Но когда я их обыскал, приутихли. Насчет двух других не знаю, а у рыжего вид точно поддельный, у меня глаз на этот счет – алмаз. Очки липовые<sup>9</sup>, а прописаны по-настоящему. Я арестованных в участок отправил, а сам в адрес прокатился. Квартиру обыскал и вот это все нашел.

Надзиратель показал на лежавший на столе «велодог» и пачку сторублевок, завернутых в носовой платок.

---

<sup>9</sup> Здесь – подложный вид на жительство.

– В револьвере только два патрона, а арестованный мною шуйский мещанин Домбрович – вовсе и не Домбрович, а... – Кислов достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и прочитал: – Арвид Густавов Варберг. Судился в четвертом году у мирового судьи пятого участка по 173 статье Устава<sup>10</sup>, приговорен к штрафу в пятьдесят рублей. В виду несостоятельности штраф заменен арестом при полиции.

– Ты что же, его личность по картотеке установил?

– Точно так-с.

– Надо же, даже бертильонировать<sup>11</sup> успел. Как же тебе Кербера<sup>12</sup> с постели удалось поднять в неурочное время?

– Договорился...

– Можете, Кислов, – перешел на «вы» надворный советник, – можете, когда захотите! Рапорт написали?

– Вот-с, – засиявший надзиратель протянул листок.

– Отлично, – сказал чиновник для поручений, бегло просмотрев написанное, – еще бы ошибок поменьше, вообще

---

<sup>10</sup> Статья 173 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривала ответственность за «обмер и обвес при продаже, купле или мене товаров или иных вещей, а равно за другие обманы в количестве или качестве товара, или в расчете платежа, или же при размене денег».

<sup>11</sup> Бертильонаж – система идентификации личности преступников, в основе которой лежат антропометрические измерения и составление соответствующей картотеки. Названа по имени создателя – французского криминалиста А. Бертильона. В России применялась с 1890 года, постепенно была вытеснена дактилоскопией.

<sup>12</sup> Фельдшер сыскной полиции И.И. Кербер в сыскной полиции производил антропометрические измерения.

было бы хорошо. О вашем рвении я доложу его высокородию. Можете рассчитывать на награду. Распорядитесь, чтобы этого Варберга ко мне привели, а сами до вечерних занятий можете быть свободны. Кстати, что это за статья – 173, не помните?

– Никак нет-с!

– Тогда попросите сторожа «Устав о наказаниях» принести. Не «Уложение», Кислов, а «Устав»<sup>13</sup>.

Сначала Варберг вообще отрицал факт знакомства с Любовским. После очной ставки с официантом, который дважды обслуживал их в отдельном кабинете Крестовского сада, «вспомнил», что случайно познакомился с Иваном Дмитриевичем и тот его пару раз угощал. Когда же его узнали соседка Любовского и швейцар, а Кунцевич сообщил, что извлеченные из тела покойного пули подходят по калибру к изъятому на квартире лже-Домбровича револьверу, Варберг понял, что ему корячится бессрочная каторга, и заявил, что действительно обманным путем завладел деньгами смоленского помещика, но не более того.

– Дела мои совершенно расстроены, потому как уж год занятий никаких не имею. Вот я и решил поправить свое материальное положение преступным путем и поместил в газетах

---

<sup>13</sup> В ту пору в Российской империи действовало четыре уголовных кодекса: «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», частично – «Уголовное уложение» и отдельный уголовный кодекс для военных – «Воинский устав о наказаниях».

объявление о том, что дипломированный агроном с прекрасными рекомендациями ищет место управляющего имением.

– А вы агроном?

– Я полгода отучился в Лубенской низшей сельскохозяйственной школе, так что на элементарные вопросы вполне мог ответить. А нарисовать рекомендации – дело плевое. Любовский на мое объявление клюнул, мы с ним несколько раз встречались в Крестовском саду и обсуждали условия моей службы, а третьего дня я приехал к нему на квартиру, подписал договор и получил аванс в две тысячи. Скажите, зачем мне было его убивать, коли он добровольно расстался с деньгами? Клянусь, когда я от него уходил, он прекрасно себя чувствовал.

– Господин Варберг, полно врать-то! Потерпевший знал ваше вымышленное имя, знал, где вы проживаете, все эти данные в условие<sup>14</sup> вносятся. Получив деньги, вы должны были липовый паспорт выкинуть и квартиру сменить, а вы, напротив, ничего этого не сделали, более того – пошли в тот же ресторан, где покойного облапошили, и нисколько не опасались, что он спохватится и шум поднимет. Вы, конечно, скажете, что так быстро шум поднимать у него не было никакой причины, соврете, что условились о том, что вы в имение поедете ближе к посевной, но...

– Пардон, но я вас перебыю. Я так говорить не буду, по условию я должен был уехать в его имение еще вчера. Но

---

<sup>14</sup> Здесь – договор.

покойного я действительно нисколечко не опасался.

– То есть знали, что он умер!

– Конечно, знал. Об этом все газеты пишут.

Глядя на сконфузившегося Кунцевича, задержанный заулыбался:

– А от паспорта я не стал избавляться и квартиру не поменял по другой причине. Условие я подписывал не как мещанин Домбрович, а именем дворянина Серебрякова-Караваева, был у меня и такой паспорт. Вот его я действительно сжег в печке. Впрочем, вы же наверняка договор и расписку нашли в квартире, так что на пушку брать меня не надо.

– Договор? Расписку? А вот не было в квартире никаких расписок и договоров! – зловеще, обретая прежнюю уверенность, сказал Кунцевич. – А кому, кроме вас, надо было их уносить? Что, Арвид Густавович, сам себя перехитрил?

– Как не было?! – веселость вмиг слетела с лица Варберга. – Он же при мне их в портфель положил...

– В какой такой портфель?

– Ну как же, в такой коричневый кожаный портфель, тонкой выделки. Английской работы, не иначе.

– И портфеля такого мы не нашли. А про револьвер что скажете? Почему там только две пули?

– Нынче всякий порядочный человек ходит с револьвером. А я, ваше высокоблагородие, как вы изволите знать, в Новой Деревне проживаю, а там без револьвера и вовсе делать нечего. Собаки-с бродячие стаями ходят, что твои вол-

ки. Коли не стрельнешь раз-другой, съедят живого.

– Ну да, ну да... Собаки-барабаки. Идите-ка, голубчик, в камеру, вы мне больше неинтересны, завтра вами следователь заниматься станет.

Чиновник для поручений позвонил и велел явившемуся на зов служителю увести задержанного. Когда Варберг был уже у двери, Кунцевич его окликнул:

– Арвид Густавович, а за что вы судились в четвертом году?

Эстляндец скривился:

– В ресторане не заплатил.

– Вот-с! Жадность вас тогда погубила и теперь погубит! Ступайте.

## Глава 4

# Проклятая наука

– Премерзейшее дело! – Гудилович раскрыл картонную папку и достал несколько скрепленных металлической скрепкой листов бумаги. – Вот-с, полюбуйтеcь.

– Что это? – спросил, беря в руки листы, Кунцевич.

– Да я хотел как лучше, а получилось – хуже некуда. Эстляндец наш так и не сознался, вот я и решил при помощи науки к стенке его прижать. Назначил в наш недавно открытый кабинет научно-судебной экспертизы<sup>15</sup> научно-судебную экспертизу и поставил на разрешение экспертов два вопроса: первый – по найденным в теле Любовского, в дверном косяке и в жилетном кармане пулям решить, были ли произведены выстрелы из револьвера, изъятого в квартире Варберга, или из иного оружия; и второй – решить, были ли эти пули выпущены из одного оружия или из разных. Думал, получу заключение – и ни один адвокат убийце не поможет. А оказалось – сам себе лишнюю головную боль устроил. Извольте прочитать, и все вам станет ясно. Читайте прямо выводы.

Надворный советник погрузился в чтение и вскоре узнал,

---

<sup>15</sup> Здесь автор грешит против исторической истины. Первый в России кабинет научно-судебной экспертизы при Санкт-Петербургской судебной палате был открыт почти через год после описываемых событий – в декабре 1912 года.

что, исходя из характера обнаруженных на пулях выпуклых продольных следов, оставленных нарезками ствола, и их количества, представленные на исследование снаряды никак не могли быть выпущены из «велодога» Варберга.

– А вы уверены, что этот, как его... – надворный советник заглянул в заключение, – Сальков не ошибся?

– Известный специалист, да и выводы свои хорошо обосновывает. Вот, извольте взглянуть – фотографии, тут даже микросъемка имеется. Но это полбеда.

– Как вас прикажете понимать?

– А так, что вчера в столицу явилась одна близкая знакомая покойного и привезла с собой вот это письмецо, – следователь достал из папки еще один лист бумаги. – Любовский отправил его накануне своей смерти. Он пишет, что невзгодам их пришел конец, что как только он вернется, они сразу поедут в Ниццу, так как... Где это... – следователь пробежал письмо глазами, – а, вот: «...получил я, Верочка, старый долг. Получил, правда, покамест только половину, но скоро принесут вторую. Будем иметь с тобой две тысячи годового дохода, да и именье, я надеюсь, станет деньги приносить, агроном уж больно хорош, судя по рекомендациям...»

– Две тысячи? Получается, ему пятьдесят тысяч были должны<sup>16</sup>!

---

<sup>16</sup> Наиболее безопасным вложением капитала в ту пору была покупка государственных процентных бумаг, дававших четыре процента годового дохода. А на 150–200 рублей в месяц в сельской местности, да при наличии собственного дома, можно было вести весьма сносное существование.

– Получается, так. А при покойном только 196 рублей обнаружили, да две тысячи у Варберга нашли. Где еще сорок семь восемьсот четыре?

– Надо квартиру эстляндца повторно обыскать!

– Обыскивайте, обыскивайте, постановление я напишу. Только не верю я, что вы там чего-нибудь найдете.

– Поищем. Я надеюсь, вы Варберга отпускать не собираетесь?

– Нет, не собираюсь. Пусть его присяжные отпускают, коли сочтут нужным. Но поискать вам придется.

Мечислав Николаевич откланялся, спустился на первый этаж окружного суда, но, что-то вспомнив, поспешил назад.

– Казимир Владиславич, а на вещи покойного можно взглянуть?

– Сделайте милость. Да там вещей-то, почитай, и нет – платье, белье да пара книжек. Он, кстати, «Уложение о наказаниях» читал. Зачем оно ему понадобилось?

Служитель принес чемодан, и надворный советник приступил к осмотру. Он пощупал пальто и сюртук, осмотрел рубашки и брюки, полистал книги – затертую, в засаленной обложке «В долинах и на высях Болгарии» Грекова и новенькое «Уложение» под редакцией профессора Таганцева. Эта книжка раскрылась на первой главе одиннадцатого раздела, устанавливающей ответственность за преступления против союза брачного. Статья 1554 была обведена в карандашный кружок. «...Если, однако ж, доказано, что лицо, обязанное

прежним супружеством, скрыло сие для вступления в новый противозаконный брак и объявило себя свободным, – прочитал чиновник для поручений обведенные карандашом строки, – то виновный в сем подвергается лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на время от четырех до пяти лет... Он сверх того, во всяком случае предается церковному покаянию». Слова «от четырех до пяти лет» и «церковному покаянию» были подчеркнуты тем же карандашом и после них стояли восклицательные знаки.

– Казимир Владиславович, мне надобно поговорить с сожительницей покойного.

Вечером Кунцевич докладывал начальству:

– Намучился я с сожительницей убиенного, ваше высокородие, уж больно она переживает. Задашь вопрос, начинает отвечать, и довольно толково, но пяти минут не проходит – в слезы. Поплачет, успокоится, соберется, начнет рассказывать – и опять! Два часа я с ней провозился, а узнать, почитай, ничего и не узнал. Покойный из дворян, родился в Москве, кончил шесть классов Первой московской гимназии и семнадцати лет поступил на военную службу вольноопределяющимся, выслужил офицерский чин, участвовал в турецкой войне, а по ее окончании служил в администрации

князя Дондукова-Корсакова<sup>17</sup>. Правда, недолго – через полгода вышел в отставку, вернулся в Москву, служил в банке до той поры, пока не унаследовал имение в Смоленской губернии. Это случилось пять лет назад. К тому времени Дмитрий Иванович уже сожительствовал с вдовой Верой Николаевной Чариковой. Они уехали в имение, но обогатиться на этом поприще у покойного не получилось. В сельском хозяйстве он ничего не соображал, прежний управляющий и мужики его обманывали и в конце концов привели почти что к разорению. Вот Дмитрий Иванович и отправился в столицу на поиски специалиста. Нашел на свою голову...

– То есть сомнений в виновности Варберга у вас не возникло?

– Возникли, Владимир Гаврилович. Черт дернул этого Гудиловича экспертизы назначать! Присяжный сразу за нее зацепится, и револьвер вместо доказательства обвинения превратится в доказательство защиты. А у нас других доказательств считай, что и нет! Факт посещения квартиры в день убийства Варберг не отрицает, более того, в мошенничестве сознается!

– Вот и осудят его за мошенничество. А по убийству оправдают, как пить дать оправдают. Надобно копать, Мечислав Николаевич, а то влетит нам. Что предлагаете?

---

<sup>17</sup> Князь А.М. Дондуков-Корсаков был российским императорским комиссаром в Болгарии – главой российской администрации, управлявшей княжеством с мая 1878 по июль 1879 года.

– Беспokoит меня этот долг в пятьдесят тысяч. За такие деньги кого угодно жизни лишить можно. Но вот что интересно. Любовский из небогатой семьи, жил, как утверждает вдова, только на жалование, крупного наследства не получал... Вдова была очень удивлена, что ее невенчаный супруг одолжил кому-то такую сумму.

– К чему вы клоните?

– А уж не шантажом ли он эти деньги получил? И не за это его на тот свет отправили?

Филиппов почесал мочку уха:

– Вполне может быть.

– А подчеркнутая статья в «Уложении»? – стал развивать свою мысль Кунцевич. – Что, если он уличил кого-то из своих давних знакомых в двоебрачии? Попросил за это денег, получил 25 тысяч, вошел во вкус и потребовал еще, а двоеженец больше платить не мог или не хотел...

– Или двоемужница, – задумчиво проговорил Филиппов.

– Или так.

– Может быть, может быть... Черт, проклятая наука! Дело практически раскрыли, и на тебе! Где же нам теперь искать этого двоебрачного?

# Глава 5

## Дерзкий побег убийцы. Или не убийцы?

**«Петербургский листок № 20 от 21.01.1912 г.  
Дерзкий побег убийцы.**

Читатели помнят выдающееся преступление на Спасской улице, где Варберг застрелил с целью грабежа смоленского помещика господина Любовского. Мещанин Арвид Варберг уже находился в доме предварительного заключения в «одиночной». Здесь ему удалось познакомиться с одним из рыцарей преступной индустрии мещ. Львом Сосно. И надумали они бежать. Ловкими маневрами им удалось очутиться в одной камере. Было 3 часа ночи вчера, 20 Января. Тюрьма спала. Часовые дремали. Варберг и Сосно тихо и терпеливо начали пилить решетки у окон своей камеры. И железо дрогнуло. Свобода... Дерзкие арестанты очутились на подоконнике. А предварительно они толстым жгутом связали свои простыни. Арестанты осторожно поднялись по водосточной трубе на крышу тюремного здания. Как кошки, прокрались они к фасаду на двор окружного суда. Привязали жгут к трубе. Варберг первый полез вниз. Он спустился и скрылся. Сосно за ним, но

сорвался и грузно упал вниз. Он сломал ногу. Прощай, свобода и новая преступная жизнь... Его стоны привлекли внимание сторожей. Поднялся переполох. Началась ловля. Но без результатов. Раненого увезли в тюремную больницу. Варберг пока не разыскан».

После утреннего совещания Филиппов попросил Кунцевича задержаться.

– Следователь говорит, что теперь Варберга ни один присяжный не спасет, мол, невинные из тюрем не бегают! – Филиппов откинулся на спинку стула и выпустил струйку табачного дыма. – Да-с. Осталось только его найти. Какие будут мысли на сей счет, Мечислав Николаевич?

– Кой-какие мыслишки есть, Владимир Гаврилович, вот только не уверен я насчет того, что невинные не бегают. Бегают, и еще как.

– Ну, следователю виднее, кто виновен, а кто нет. А наша задача – исполнить его поручение и отыскать беглеца. Поэтому-то я вас и спрашиваю, что вы на этом поприще сделали?

– Кое-что сделал, ваше высокородие. Когда Кислов задержал Варберга в ресторане, с эстляндцем были два его знаконца, которых мой, как вы давеча изволили выразиться, Лекко недоделанный задержать не удосужился. Хорошо хоть имена записать догадался. Так вот, это некие остзейцы Людовик Озолин и Карл Рет. Я и подумал, коли Варберг себе на хлеб насущный мошенничеством зарабатывал, может быть, и дружки его тем же занимались? Поручил своим молодцам

почитать газеты, и они нашли несколько объявлений, в которых Озолин предлагает услуги по управлению имением, называя себя опытным агрономом. В объявлении и адрес есть – угол Геслеровского переулка и Лахтинской улицы, дом 32, квартира 29. Побывал я там и узнал от его квартирохозяйки, что уехал наш Людовик две недели назад и письма велел пересылать в Уфимскую губернию, в имение госпожи Хитрово.

– Хитрово? Это какой же из Хитрово?

– Супруги помощника начальника главного управления почт и телеграфов. Я с ней встретился, и она подтвердила, что наняла Озолина управляющим. Я снесся с тамошним полицейским управлением и сегодня получил вот эту телеграмму.

Надворный советник достал из папки и протянул начальнику бланк с наклеенной телеграфной лентой.

«Схожий присланными вами приметамы господин прибыл Токаревку гости господину Озолину 25 сего января зпт находится имени сей день тчк становой пристав Рябоконь тчк», – прочитал Филиппов. – Ну что же, составьте телеграмму от моего имени об арестовании этого гостя, берите Кислова и езжайте в эту, как ее...

– Токаревку.

– Да, туда. И Озолина пусть становой арестует, нам тоже есть что ему предъявить.

– Ваше высочорodie, с доставкой арестованных надзиратели справятся, а я бы хотел в другое место съездить.

– Это куда же?

– В Херсон.

В доме, где проживал убитый, был швейцар. После экспертизы оружия Мечислав Николаевич повторно тщательно его допросил. Швейцар божился, что со своего поста никуда не отлучался и видел в тот день только двоих посторонних: Варберга и молодого человека в студенческой фуражке.

– Да и этот, почитай, не посторонний, ваше высокоблагородие, потому как студент этот комнату изволили у нас снять, которая после Льва Григорьевича освободилась.

– Что за Лев Григорьевич?

– Ну как же, это братец Михаила Григорьевича, с женой из Херсона-с приезжали. На лечение он приезжал, ушами страдает. Сначала у братца жили, потом этажом выше переехали-с.

– Почему?

– А вот этого не могу знать. Видать, так удобнее им было.

– А долго ли он прожил?

– Один момент-с!

Швейцар сходил в свою каморку, располагавшуюся под лестницей, и вернулся с толстой тетрадкой в коленкоровом переплете.

– Ведем учет всем жильцам, как по закону положено. Мне хозяин за это лишнюю зелененькую<sup>18</sup> в месяц добавляет.

---

<sup>18</sup> Трехрублевая купюра.

Так-с. Вот-с. Прибыть изволили тридцатого минувшего декабря, квартирку переменили седьмого, а убыли-с девятнадцатого.

– А что, Лев Григорьевич неожиданно уехал?

– Нет, он в канун Сретения и собирался. Его квартирохозяйка под это дело и объявление дала, что комната с двадцатого будет сдаваться, студент по этому объявлению и явился. Еще калоши не хотел на лестнице снимать, боялся, что уволяют. Но я его успокоил, потому как мы на этой должности и состоим, чтобы калоши у жильцов и у гостей были целы.

Осин пожал плечами:

– Вы не спрашивали, я и не говорил. К тому же с братом и с его женой ваш агент беседовал, мне брат рассказывал.

– Который агент, не знаете?

– Наверное не знаю, но по-моему, это тот, который самым первым явился, вместе с околоточным.

«Собрались лекоки с пинкертонами, – вздохнул Кунцевич, – обоих со службы надо гнать!»

– А почему брат от вас съехал?

– Лидии Аркадьевне, супруге его, показалось у меня шумно. У меня и правда бывают гости, иногда дамы-с, я же человек холостой. А снохе это не понравилось. А тут как раз комната в квартире на третьем этаже освободилась, вот они и переехали.

Кунцевич вызвал старшего Осина в Петербург телеграммой, и тот 24 января явился в сыскную полицию.

Войдя в кабинет чиновника для поручений, херсонский присяжный поверенный громко поздоровался и представился. Усевшись в предложенное кресло, Лев Григорьевич достал из кармана сюртука кожаный футляр, а из футляра – маленькую серебряную трубочку и вставил ее в ухо.

– Добрый день, Лев Григорьевич, – сказал Кунцевич, – извините, что пришлось вызывать в столицу, но обстоятельства дела не давали нам иного выхода.

– Я все прекрасно понимаю, – гость кивнул головой, – дело серьезное, и мой долг гражданина предписывает мне оказывать полиции всяческое содействие. Вот только... Зачем надобно было дожидаться моего отъезда, чтобы потом вызывать в Петербург? Нельзя ли было сразу задать мне все интересующие сыскную вопросы? Я по вашей милости всю прошедшую неделю в поезде провел. В два часа ночи третьего дня до дому добрался, прочитал вашу телеграмму и в восемь утра снова в поезде сидел, причем в том же купе, в котором домой ехал! Признаться, я сначала ехать не собирался, хотел письменно вас известить, что коли вы ко мне интерес имеете, так сами и приезжайте.

– А почему передумали и явились?

– А, – присяжный махнул рукой, – жена уговорила. Нельзя, говорит, манкировать вызовом в полицию, когда речь идет об убийстве. Да и преступление случилось не на улице,

а у родного брата на квартире. А вы что, моему визиту не рады?

– Ну почему же, рад, весьма рад. Кстати, а почему вы от брата съехали? Ведь лишние же расходы.

– Жена настояла, да и я был не против. Братец мой из ловеласов, да и Дмитрий Иванович не монахом был. Когда мы приехали и первый раз у брата отобедали, жена пошла на кухню, прислугу похвалить за стряпню. Анисья же в ответ разразилась слезами, поцеловала жену в плечо и, перекрестившись перед образом, говорит: ведь это в первый раз у нехристя, барина моего, обедает настоящая замужняя барыня, а шлюхам готовить какая может быть радость? Жена прямо опешила. А шестого вечером покойный явился под утро в сильном подпитии вместе с этой, как ее, Олей. Наша комната с его общую стену имеет, весьма тонкую. Мне-то что, я даже если из пушки рядом будут стрелять, не услышу, а вот супруга такого наслушалась, что спать потом не могла, она у меня дама весьма строгих правил.

– Понятно. Ну-с, приступим к формальному допросу. Вот-с, поручение следователя о его производстве, извольте ознакомиться.

Присяжный внимательно прочитал бумагу и изъявил готовность давать показания.

– Итак, где вы находились 15 сего января с десяти утра до восьми вечера?

Из допроса выяснилось, что у Льва Григорьевича имеется

alibi – во время убийства он был у врача.

– Я, собственно, за этим в столицу и приехал, – Осин вытащил из уха трубочку, показал ее сыщику и вставил обратно. – Новейший виброфон фирмы Драпье. Сделан под мое ухо. Обошелся в копейчку, но зато слышать стал как в молодости! 15 января я явился к доктору забирать прибор в десять утра и пробыл у него до двенадцати. Потом отправился к Дону, отпраздновать завершение лечения.

– Доктор что, и по воскресеньям принимает?

– Да. Он говорит, что так больным удобнее – многие в будни заняты службой. Зато в понедельник у господина Вендера приема нет.

– Понятно. А завтракать один изволили?

– Нет, с супругой. Мы с ней условились встретиться в ресторане.

– А еще кто-нибудь с вами был?

– Да, мой университетский однокашник Борис Павлович Авиллов, он тоже присяжный поверенный, и Лидина подруга – Липа Одинцова.

– Адреса их назвать можете?

– Борин могу, а Липин не знаю, впрочем, если дать телеграмму ко мне домой, то Лида вышлет адрес – они с Липой в переписке состоят.

– Давно дружат?

– Давным-давно. Воевали вместе.

– Ваша супруга воевала? – удивился чиновник для пору-

чений.

– Да, была сестрой милосердия на турецкой войне.

– Вот как! А в телеграмме нет никакой необходимости, место прописки Одинцовой я узнаю в адресном столе.

## Глава 6

# Как все было на самом деле

Шла сырная неделя, и Мечислав Николаевич должен был всю праздновать масленицу с Татьяной Федоровной. Когда он сообщил супруге о командировке, случился скандал. «Ну вот, теперь дуться на меня будет», – вздохнул Кунцевич, и ему стало так жалко жену, что он решил купить ей какой-нибудь дорогой подарок. В Москве перед традиционным визитом к бывшему начальнику надворный советник заглянул в Петровский пассаж. Проходя мимо магазина готового мужского платья, он увидел знакомую фигуру.

Сыскной надзиратель Тараканов<sup>19</sup>, обряженный в какой-то нелепый костюм, примерял чудовищной расцветки галстук, а стоявший перед ним приказчик всю расхваливал свой товар.

– Осип Григорьевич! Какая встреча!

Надзиратель оглянулся, бросился к Кунцевичу и стал трести его руку:

– Мечислав Николаевич! Как я рад!

– И я весьма рад! Прибарахляетесь? Боже! Кто это вас так нарядил?!

---

<sup>19</sup> О том, для чего Тараканову нужен был новый наряд и кто такой вообще этот Тараканов, можно узнать из повести И. Погонина «Семинарист».

– А что, плохо?

– Ужасно. Эй, любезный! – позвал приказчика надворный советник. – Помогите господину раздеться. Идем отсюда, Осип Григорьевич, идем и как можно быстрее, а не то они превратят вас в савраса. Переодевайтесь скорее, я буду ждать вас в галерее.

Кунцевич и Тараканов вышли на Петровку и пошли к бульвару.

– Лихоимствовать стали, Осип Григорьевич?

Тараканов опешил.

– С чего вы взяли?

– А на какие же шиши вы хотели в Петровском пассаже одеться? Или в Москве у надзирателей сыскальной полиции такое хорошее жалование?

Тараканов так растеряно глядел на столичного чиновника, что Кунцевич еле сдержал смех.

– Видите ли, Мечислав Николаевич, я до сего дня как-то на одежду мало внимания обращал, покупал, что подешевле, а тут... В общем, мне надо приодеться. А Петровский пассаж у всех на слуху. Ну, я и пошел. Кой-какие сбережения у меня есть...

– Пришли, а тамошние ушлые приказчики вмиг разглядели в вас человека, привыкшего одеваться на Апрашке<sup>20</sup>. Ну и постарались эти молодцы всучить вам втридорога залежа-

---

<sup>20</sup> Апрашка – Апраксин рынок в Санкт-Петербурге, где торговали в основном подержанной одеждой, зачастую краденой.

лый товар. Вам когда нужно быть при полном параде?

– Послезавтра.

– Позвольте воспользоваться полученной на службе опытом и угадать предмет вашего визита? Позволяете?

Тараканов вяло кивнул.

– Итак. Молодой человек на масляной неделе озаботился приобретением костюма. Пальто на вас хоть и не новое, но вполне ничего себе. Один воротник рублей на сорок тянет.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.